2018 Том 11 No. 62

Захарова А.В. Проблематика кандидатской диссертации Н.И.Жинкина и ее место в творческой эволюции ученого

-

ЗАХАРОВА А.В. ПРОБЛЕМАТИКА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ Н.И.ЖИНКИНА И ЕЕ МЕСТО В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ УЧЕНОГО

English version: Zakharova A.V. N.Zhinkin's thesis for candidate's degree: content and its place in his scientific career

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Сведения об авторе
Литература
Ссылка для цитирования

Описывается первый подход к исследованию и описанию неопубликованной кандидатской диссертации широко известного психолога и лингвиста Николая Ивановича Жинкина «Интонация в связи с общими проблемами экспрессии» (1944–1947). Приводятся обстоятельства написания научной работы, цели и задачи, ее место в планировавшемся ученым экспериментальном исследовании интонации. Проанализированы особенности структуры работы, кратко охарактеризовано содержание ее глав. Особое внимание уделено рассмотрению Жинкиным теоретических подходов психологов, логиков, лингвистов, искусствоведов к определению явления экспрессии. Объясняется важность междисциплинарного подхода для выяснения природы экспрессии. Приводятся комментарии относительно удельного веса сказанного об экспрессии и интонации в диссертации, приведены доводы ученого в пользу более глубокого изучения экспрессии для понимания роли интонации среди других выразительных средств. Выявлено особое значение вводимого Н.И.Жинкиным понятия речевого поступка для объяснения явлений экспрессии и интонации. Дано краткое описание понятия поступка, излагается предположение Жинкина об экспрессии как важнейшем средстве осуществления поступка. Подчеркивается применение автором психологического и лингвистического подходов и терминологических аппаратов двух наук для описания явления интонации как экспрессивного средства в структуре поступка. Кратко описана роль диссертационного исследования Жинкина для формирования более поздних и широко известных сегодня работ ученого. В связи с особым значением диссертации, которая впервые в полной мере объединила опыт психологических и искусствоведческих исследований для изучения лингвистического объекта, выдвинута гипотеза о переходной и связующей роли диссертации в творческой биографии ученого.

Ключевые слова: Н.И.Жинкин, экспрессия, различные подходы к пониманию экспрессии, изучение интонации, логика, психология, лингвистика, речевой поступок

Неизвестный труд Н.И.Жинкина

Чуть ли не единственное упоминание о кандидатском исследовании Николая Ивановича Жинкина

можно обнаружить в краткой автобиографической справке, составленной около 1960 года и опубликованной после смерти ученого [Жинкин, 1998a]. Оттуда мы узнаем, что ближе к концу войны, в 1944 году, Жинкина приглашают в Институт психологии открывшейся в 1943 году Академии педагогических наук РСФСР. К этому времени за плечами ученого, кроме обучения в Московском университете и работы по психологической специальности, было несколько лет академической работы в ГАХН в 1920-х годах [Жинкин, 1927, 1928], опыт работы над учебным кино на московской киностудии в 1930-х и 1940-х, прочитанные во ВГИКе курсы по методике построения учебных фильмов и параллельно ведущаяся исследовательская работа в сфере кинематографии [Жинкин, 1934, 1936a, 1936b].

В 1947 году, согласно тексту автобиографической справки, Николай Иванович Жинкин защитил диссертацию «на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии)» [Жинкин, 1998a, с. 343], после чего целиком перешел на научно-исследовательскую работу. Название диссертации может показаться неожиданным – «Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии» [Жинкин, 1947]. Между тем уже в одной из работ 1920-х годов [Жинкин, 1927, с. 343] мы можем заметить, что ученый проявляет интерес к вопросам *экспрессии* как форме выразительности слова в речи.

Переход в Институт психологии при Академии педагогических наук, по всей видимости, обязал Жинкина вернуться к чисто научным изысканиям и написать первую после 1930 года большую теоретическую работу. Выбор лингвистического объекта исследования – *интонации* (правда, имеющего в первую очередь психологическую природу, по мнению ученого) – лишний раз показывает, что явления коммуникации были для Жинкина предметом глубокого и пристального изучения[1].

Кандидатская диссертация не была опубликована, но один из экземпляров машинописи был обнаружен после смерти автора, во время разбора и описания архива С.И.Гиндиным и Н.И.Лепской. Этот экземпляр диссертации вместе со всем архивом Н.И.Жинкина находится в Центральном московском архиве-музее личных собраний[2]. Работа много лет оставалась в тени – и теперь надо понять, какое место она занимала в творческой биографии ученого и какую роль сыграла для более поздних и уже ставших классическими работ ученого в области экспериментальной и теоретической фонетики, семиотики, исследования речи и ее онтогенеза. Этому и посвящена настоящая статья.

Задачи кандидатской диссертации Н.И.Жинкина и ее общая структура

На первое место в заглавии диссертации («Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии») вынесена интонация. Действительно, в качестве главной цели работы Жинкин отмечал рассмотрение психологической природы интонации как явления и определение ее роли в системе выразительных средств в речи. Также масштабное диссертационное исследование задумывалось как начальный шаг, задел для более далекого замысла ученого. Жинкин пишет: «Я бы хотел, чтобы задача этой работы ограничилась узкими рамками изучения экспериментально-методических проблем исследования интонации, но к сожалению, это желание теперь не выполнимо» [Жинкин, 1947, с. 1].

Почему невозможно было сразу приступить к подготовке эксперимента для изучения интонации? Для создания методики экспериментального исследования, к которому хотел подступиться ученый, явление интонации не было достаточно полно рассмотрено ни в одной из наук, когда-либо обращавшихся к ее изучению: психология, логика, искусствоведение, педагогика и лингвистика поодиночке не давали достаточно разработанного аппарата для исследования. По словам автора, необходимо было сначала установить «определенный круг понятий и наблюдений» [Жинкин, 1947, с. 5], которые позволят построить грамотный эксперимент, описать и интерпретировать его результаты. Кроме того, было неизвестно, что именно выражали и какое психологическое значение

имели традиционно относимые к явлению интонации речевые средства, как например: сила, длительность и темп, высота произносимого, тембр голоса. Недостаточно изученным было и более общее понятие – «экспрессия», в рамках которой интонация соседствовала с другими выразительными средствами (мимика, жест, движение). Таким образом, путь к экспериментальному исследованию интонации оказался неблизким и представлялся ученому пролегающим через изучение экспрессии для того, чтобы понять значение интонации и интонационных элементов для ее выражения.

Структура диссертации состоит из введения, пяти основных глав и краткого резюме. Первые четыре главы («Выражение и индикация», «Экспрессивный словарь», «Экспрессия как переживание и как видимость», «Смысловое поле экспрессии») помогают читателю сориентироваться в основных подходах к исследованию и опыту описания экспрессии в области психологии, логики, искусствоведения и языкознания. Именно на основе обширного критического анализа существующих теорий и концепций автор диссертации вырабатывает и обосновывает свою точку зрения на сущность экспрессии, а на основе этого, пересмотренного понятия, в пятой, заключительной главе «Поступок и интонация» уже переходит к подробному исследованию явления интонации.

Мы видим, что часть работы, в которой идет речь об экспрессии, значительно перевешивает сказанное об интонации. Это не случайно. Во-первых, без тщательного анализа сущности экспрессии было бы невозможно подойти к изучению интонации. Во-вторых, по мнению Жинкина, всестороннее исследование обоих явлений – экспрессии и интонации – возможно единственно и только на стыке нескольких наук. Их стоит рассматривать одновременно как минимум с точки зрения психологии, логики и лингвистики. Ученый сетует, что и логики, и психологи, и лингвисты зачастую проходили мимо значимых друг для друга исследований и даже не пытались организовать междисциплинарное обсуждение, в то время как подобное обсуждение могло бы прояснить спорные аспекты общих для них явлений и понятий и высветить их с новой для каждой из наук стороны. Чтобы преодолеть установившуюся односторонность, во введении и первых четырех главах диссертации Жинкин подробно излагает, испытывает и пробует применить известные ему психологические, лингвистические и искусствоведческие теории для объяснения природы экспрессии. В результате осмысления каждой из точек зрения ученый приходит к выводу, что хотя фрагментарно их опыт может быть полезен, ни один из подходов не способен полностью, логически непротиворечиво и правдоподобно объяснить явление экспрессии. Опишем вкратце некоторые из концепций, которые автор диссертации подробно рассматривает в первых четырех главах.

Систематизация основных концепций и подходов к описанию экспрессии в диссертации Н.И.Жинкина

Автор начинает «разведку» научных горизонтов с описания знаковой *теории «представительства»*[3], которую Карл Бюлер применял для объяснения природы языковых объектов, предметов искусства, сигналов животных и человеческой экспрессии. Знак является представителем некоторого объекта согласно «принципу абстрактной отнесенности»: «в результате выделения абстрактных моментов в конкретном <…> конкретное и становится знаком» [Жинкин, 1947, с. 11]. Излагая теорию Бюлера, Жинкин сосредотачивается на взаимодействии двух членов семантического отношения – представителя и представляемого – и отмечает, что если представитель (то есть знак) входит в область непосредственно воспринимаемого человеком, второй член отношения остается вне области восприятия. В качестве иллюстрации такого подхода ученый приводит игру актера и ее восприятие зрителем: слова, мимика и жесты актера зрители переносят на персонажа, который не дан им явно, непосредственно. Вместо персонажа на сцене действует его представитель – актер, который изображает и выражает его. Такое же отношение устанавливается между рисунком и изображенным на нем реальным объектом. Между словом и его значением тоже можно установить отношение представительства.

Но если теория «представительства» может объяснить, как актер подменяет, «репрезентует» собой персонажа, она не вскроет механизм выражения чувств на сцене. Выдаются ли они самолично, непосредственно – или зритель удовлетворяется только их видимым выражением? Если перед исследователем стоит задача экспериментального изучения экспрессии (выявить средства выражения эмоций и чувств, установить роль интонации, жеста или слова в общении актера и зрителя), теория «представительства», по мнению Жинкина, оказывается бессильной, если только нет культурной традиции кодирования выразительных средств (как в японском или китайском театре), где соотносятся условное действие или жест и эмоция, которую зритель должен в них прочесть. Но можно ли считать слезы знаком или условленным экспрессивным средством выражения печали в привычном нам театре?

Н.И.Жинкин замечает, что представительство – не единственная возможная форма репрезентации. Используя терминологию теоретиков театра, он говорит о том, что есть принципиальная разница между отношениями представления и изображения объектов действительности, идей или состояний. «Представитель» заменяет представляемый объект и действует от его имени, – изображение объекта нам что-то о нем сообщает. Для пояснения этой разницы автор приводит в качестве примера хроникально-документальный кинематограф, который и представляет, и изображает запечатленное, и художественное кино, которое только изображает. Портрет на стене, будь это фотография или картина, представляет человека (обнаруживает объективное сходство с ним), а пейзаж в какой-то степени представляет реальный ландшафт. Но ценность и портрета, и пейзажа может лежать вовсе не в документальной точности отображения реального человека или местности. В этом смысле мы не требуем от них точного сходства, мы можем даже не знать изображенного человека или пейзаж, нам важнее то, *что* портрет или пейзаж нам о них сообщают, *что* в них «выражено», как в человеке или природе выражены мысли, чувства, настроения, и более того, как они передаются зрителю, не только воспринимаются и понимаются им. Как мы видим, Жинкин использует опыт различных областей, с которыми его сводили исследовательские задачи и интересы: это и опыт изучения кинематографа, и опыт написания работ об изобразительном искусстве [Жинкин, 1928].

Критический анализ теории Карла Бюлера приводит исследователя к важному для понимания экспрессии выводу о том, что ее природа не обусловлена предварительными договоренностями. Это сближает ее с естественным языком и противопоставляет сигнальным системам, лишенным эмоциональной и чувственной выразительности. Если подход Бюлера, по мнению Жинкина, не помогает нам объяснить, как на картине или в скульптуре переданы эмоции, мысли и чувства, быть может, у психологов найдется путь решения этой проблемы без привлечения языка символов или кода? Здесь Жинкин обращается к *теории «выражения»* немецкого психолога и физиолога Вильгельма Вундта. К представителям этого подхода автор диссертации также относит основателя прагматизма, американского философа и психолога Уильяма Джеймса и датского медика и анатома Карла Ланге, которые независимо друг от друга разработали теорию о возникновении эмоций как следствия осознания человеком рефлекторных физиологических изменений в организме[4]. Жинкин замечает, что, как в дальнейшем и американские *бихевиористы*, они задействовали понятия «внутреннего» и «внешнего» для объяснения механизма проявления эмоций (напомним, что понятия «внутреннего» и «внешнего» ученый разрабатывал применительно к описанию природы художественного образа и другим искусствоведческим вопросам ранее, во время работы в ГАХН, что нашло выражение в его статьях об эстетической форме 1927-1928 гг. [Жинкин, 1927, 1928]). В теории Вундта «внутреннее» состояние человека и «внешнее» проявление не находили выражения друг через друга: во время экспериментальных исследований с помощью приборов можно было измерить силу физиологического проявления эмоций (их «индикации»), но сами переживания оставались недоступными для изучения пульсомером или амперметром. Кроме того, пользуясь методом изучения индикаторов, сами экспериментаторы опирались на самонаблюдение как более точный критерий наличия чувства и колебания его силы. Критика Жинкиным индикаторного метода основывалась на основополагающем тезисе экспериментаторов о параллельности плохо изученных процессов переживания и их выражения в, скажем, кривой пульса, которую легко замерить и проанализировать.

Бихевиористы, по мнению Жинкина, тоже сосредоточились на «внешних» физиологических проявлениях эмоциональных состояний, полностью отождествив их с сущностью эмоциональных переживаний. В общем и целом метод изучения симптомов как отдельных эмоциональных реакций, так и проявлений организма в целом не дают возможность наблюдать их непосредственную связь со всем сложным комплексом внутренних переживаний и чувств, который испытывает человек к раздражителям совершенно различной природы: от мчащейся на него машины до скульптуры или живописного полотна.

Все это время за скобками оставалось значение экспрессии. К этому аспекту непосредственно подошли *исследователи мимики и пантомимики*: Чарльз Дарвин, а вслед за ним французский врач Гильом Бенжамен Дюшен, а также немецкий врач и писатель Теодор Пидерит и немецкий философ и психолог Филипп Лерш[5]. В изложении Жинкина, они принимали экспрессию за самостоятельный язык и пытались создать так называемый «экспрессивный словарь» мимических движений и других экспрессивных выразительных средств. Но как только экспрессия разлагалась на отдельные составляющие, пропадало то значение, которое, по Жинкину, присваивается выразительным средствам только в контексте. Это было замечено теоретиками и практиками театра: прежде всего немецким актером и режиссером Эрихом Энгелем, а также французским теоретиком сценического движения и вокала Франсуа Дельсартом, которые считали мимические и пантомимические средства выражением внутреннего отношения субъекта к реальности. Однако Жинкин отмечает, что при этом они не пытались провести глубокий психологический анализ явления экспрессии и не пробовали рассмотреть ее как составляющую часть человеческого поступка; из-за чего, по мнению автора диссертации, их теории остались формальными и не были восприняты учеными за пределами театра.

Понятие речевого поступка как итог анализа теории экспрессии и основа для изучения интонации

В пятой главе – «Поступок и интонация» – Жинкин приходит к тому, что плодотворный подход к анализу экспрессии можно найти, пользуясь методами современной ученому *психологии*, в том числе освещенными в работах С.Л.Рубинштейна и Л.С.Выготского по теории деятельности[6]. Если исходить из того, что действительность преломляется в психической организации конкретного человека и выражается в его деятельности, то именно через анализ его деятельности можно прийти к разъяснению психологической природы понятия поступка, а вместе с ним – экспрессии как средства осуществления поступка и интонации как ее инструмента. Здесь и начинается поступательное движение непосредственно к анализу интонации с психологических и лингвистических позиций.

Отметим, что во всем тексте диссертации мы неоднократно видим утверждения Жинкина о том, что наиболее плодотворно рассматривать проблемы экспрессии и интонации именно с позиции психологии. Это ничуть не снижает значимость целостного рассмотрения этих пограничных явлений: «Явление интонации, находясь на стыке трех наук, только тогда получит свою определенность, когда ее проблемы будут подвергнуты трехсторонней критике и обсуждению» [Жинкин, 1947, с. 273]. Благодаря научному арсеналу, который был в распоряжении ученого, вся работа, описанная в пятой, заключительной и самой «ударной» главе, получила твердую опору со стороны каждой из упомянутых научных областей.

В главе «Поступок и интонация» рассматриваются вопросы, уже непосредственно относящиеся к проблеме интонации, ее природе, значению среди других выразительных средств экспрессии, ее роли в речи. Начинается глава, как и обещает заголовок, не с рассмотрения значения интонации, а с анализа понятия поступка. Психологически Жинкин рассматривает поступок как способ проявления личности, ее активного отношения к окружающему миру, выражения чувств и эмоций применительно к каждой конкретной ситуации, в которой оказывается человек. Речь также может

явиться способом проявления личности, и тогда, по мнению ученого, мы можем говорить о *речевом* поступке, то есть понятии уже и лингвистическом.

Жинкин говорит об интонации как инструменте экспрессии. Экспрессия же и определяет поступок, и именно в нем приобретает смысл и встраивается (вместе со всем своим инструментарием, в который входит и интонация) в его структуру: «Но было бы очень мало, если бы мы только назвали это слово – поступок. Надо заставить его функционировать, то есть применить это понятие к разрешению психологических проблем языка. Здесь мы встречаемся лицом к лицу с понятием интонации» [Жинкин, 1947, с. 260].

Посмотрим на содержание пятой главы. Любопытно, что в то время как первые два параграфа («Анализ понятия поступка» и «Интонация как экспрессивное приспособление в структуре поступка») практически полностью посвящены определению понятия поступка и его структуры, дальнейшие («Противоречие между “глазной” и “слуховой” филологией», «Трудности при выяснении роли интонации в речи», «Интонация и акцентуация», «Лексическая экспрессия», «Фразовая интонация и логическое ударение – “механизм” выражения мысли в речи», «Воля или выражение побуждения в речи») посвящены лингвистическим проблемам (впрочем, характер анализа напоминает искусствоведческие работы ученого). В этих параграфах автор использует понятия фразы, предикативности, а также таких элементов структуры фразы и текста, как, например, «психологическое подлежащее и сказуемое»[7]. Завершается глава параграфом «Экспрессивная интонация (выражение чувств)», который скорее тяготеет к работам ученого о форме выражения. Отметим, что если при описании экспрессии Жинкин лишь эпизодически обращался к понятиям лингвистики, то к рассмотрению интонации в пятой главе он впервые подходит в столь полном лингвистическом «вооружении».

Понятия речевого воздействия и речевого поступка получают в пятой главе осмысление и формализацию как с позиций психологии, так и с точки зрения лингвистики. Корни этой лингвистичности подхода, как видится, уходят в 1920-е годы. Понимание сказанного или написанного слова как события, которое имеет эффект, воздействие на участников события через особые экспрессивные формы, направленные на объект воздействия и свойственные слову как единице речи, было намечено Жинкиным еще в работе «Проблема эстетических форм» [Жинкин, 1927], написанной по материалам доклада, прочитанного в 1924 году в ГАХН. Ученый настолько расширил и развил понятие речевого *поступка*, что впоследствии смог использовать его коррелят – «речевое *действие*» – для собственно лингвистической работы 1955 года «Вопрос и вопросительное предложение» [Жинкин, 1955], заметим, еще в преддверии появления (и задолго до широкой известности) теории речевых актов[8].

Перспективы дальнейшего экспериментального исследования интонации

В самом конце пятой главы Жинкин намечает наконец возможный план того «экспериментального изучения речевой интонации как индикатора общей экспрессии», о желательности которого он говорил еще во введении к диссертации. В качестве материала для этого исследования уже после написания диссертации были сделаны фонозаписи актерской речи (лексически одинаковые отрезки речи записывались на пленку в условиях разных коммуникативных ситуаций). Тогда же, в 1948 году, продолжая осмысление проблем интонации, Жинкин пишет (или дописывает) большую статью «Психологические вопросы интонации речи»[9]. Статья не была опубликована, так же как и не был осуществлен эксперимент по исследованию интонации. Исследование готовилось так фундаментально, что понадобилась отдельная работа для того, чтобы подготовить понятийный аппарат для описания элементарных фонетических явлений. Сам ученый в автобиографической справке признает: «При обработке этих записей на акустико-аналитической аппаратуре встретились неожиданные и непреодолимые препятствия, главным образом в части интерпретации динамики речевого процесса» [Жинкин, 1998а, с. 343].

К изучению «самых элементарных явлений речевой фонации» Жинкин и перешел. Результаты этих исследований нашли отражение, в частности, в работе 1954 года «Вопросы восприятия ударения в словах русского языка» [Жинкин, 1954], а затем и в комплексном исследовании самих механизмов человеческого говорения, завершившемся созданием знаменитой книги «Механизмы речи» [Жинкин, 1958; Zhinkin, 1968]. Гипотезы и материалы, подготовленные еще в 1940-х годах для аудиозаписей актерской речи, частично приводятся и обсуждаются в теоретических главах этой широко известной монографии.

Хотя полного, комплексного исследования собственно интонации Жинкин так и не опубликовал, к самому явлению ученый неоднократно обращался в более поздних работах, которые требуют дальнейшего исследования. В нескольких работах после «Механизмов речи» есть ряд глубоких соображений о значении интонации в общей системе языка и ее роли в семантически наиболее сложных языковых системах. Например, «Четыре коммуникативные системы и четыре языка» [Жинкин, 1998b] (впервые эта статья была напечатана на английском языке [Žinkin, 1962]) и «Механизмы регулирования сегментных и просодических компонентов языка и речи» [Жинкин, 1998c] (впервые была опубликована в сборнике «Poetics. Poetyka. Поэтика» в 1961 году).

Заключение

Таково краткое описание кандидатского диссертационного исследования Николая Ивановича Жинкина. Подводя итог сказанному, повторимся: по всей видимости, этот труд можно рассматривать в творческом пути ученого как мостик между довоенным периодом, когда он работал преимущественно в качестве теоретика искусства и психолога, и периодом 1950-70-х, когда получили известность его труды по лингвистике и семиотике. К более тщательному рассмотрению этой гипотезы мы надеемся вернуться к следующих работах.

Литература

Выготский Л.С. Мышление и речь. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934.

Гиндин С.И. О работах Н.И.Жинкина в области поэтики, эстетики и искусствознания. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1985, 44(1), 72–75.

Дарвин Ч. [Darwin Ch.] О выражении ощущений у человека и животных. Санкт-Петербург, 1872.

Жинкин Н.И. Проблема эстетических форм. В кн.: Художественная форма. М.: Издательство ГАХН, 1927. С. 7–50.

Жинкин Н.И. Портретные формы. В кн.: А.Г. Габричевский (Ред.), Искусство портрета. М.: Издательство ГАХН, 1928. С. 7–52.

Жинкин Н.И. Изучение зрителя и проблема построения учебной фильмы. Учебное кино, 1934, Сб. 6, 14–25.

Жинкин Н.И. Элементы сюжетности в учебном фильме. Учебное кино, 1936a, Сб. 1, 7–20.

Жинкин Н.И. Неудачные места школьно-учебных фильмов. Учебное кино, 1936b, Сб. 3, 26–36.

Жинкин Н.И. Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии: дис. … канд. пед. наук. Институт психологии, Москва, 1947.

Жинкин Н.И. Восприятие ударения в словах русского языка. Известия Академии пед. наук, 1954, Вып. 54, 7–82.

Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение. Вопросы языкознания, 1955, No. 3, 22–34.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: АПН, 1958.

Жинкин Н.И. Взаимодействие компонентов интонации в речи и в музыке. В кн.: С.И. Гиндин (Ред.), Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 137–149.

Жинкин Н.И. Автобиографические справки. В кн.: С.И. Гиндин (Ред.), Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998a. С. 342–346.

Жинкин Н.И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка. В кн.: С.И. Гиндин (Ред.), Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998b. С. 8–36.

Жинкин Н.И. Механизм регулирования сегментных и просодических компонентов. В кн.: С.И. Гиндин (Ред.), Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998c. С. 43–52.

Остин Дж.Л. [Austin J.L.] Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике, 1986, Вып. XVII, 22–130.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1935.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Издательство АН СССР, 1925–1927.

Bühler K. Ausdrückstheorie: das System an der Geschichte aufgezeigt. Jena: Fischer, 1933a.

Bühler K. Die Axiomaik der Sprachwisenschaften. Kant-Studien, 1933b, Vol. 38, 19–90.

Cannon W. The James-Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory. The American Journal of Psychology, 1927, 39(1/24), 106–124.

Feldman Barrett L. Emotions are Real. Emotion, 2012, 12(3), 413–429.

Piderit T. Mimik und Physiognomik. Detmold, 1886.

Davie D., Wyka K. (Ed.). Poetics. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1961.

Lersh Ph. Gesicht und Seele: Grundlinien einer mimischen Diagnostik. Ernst Reinhardt, 1932.

Žinkin N.I. Four Communicative Systems and Four Languages. Word, 1962, 18(1/3), 143–172.

Zhinkin N.I. Mechanisms of Speech. Paris: Mouton, 1968.

Примечания

[1] Гипотеза о том, что коммуникация была сквозной темой творчества Жинкина, высказана в статье Гиндина [Гиндин, 1985].

[2] Для задач данной работы мы пользовались ксерокопией машинописи диссертации, снятой с этого экземпляра с разрешения вдовы ученого Л.А.Лихачевой при разборе архива.

[3] В современном переводе: теория «репрезентации». Из работ хорошо известного сегодня ученого Карла Бюлера автор диссертации активно ссылается на книги [Bühler, 1933a,1933b].

[4] Теория получила название «теории эмоций Джеймса-Ланге». Теория представляла собой попытку экспериментального наблюдения и измерения. В разные годы теория подвергалась критике как со стороны физиологов, которые опровергали ее фактически, так и со стороны психологов, которые указывали на ее механистический характер [Cannon, 1927; Feldman Barrett, 2012].

[5] Приведем некоторые из работ перечисленных ученых, на которые ссылается Жинкин в диссертации (издания приводятся согласно библиографии диссертации): [Дарвин, 1872; Piderit, 1886; Lersh, 1932].

[6] В частности, в тексте диссертации Жинкин ссылается на работы Рубинштейна [Рубинштейн, 1935] и Выготского [Выготский, 1934].

[7] Жинкин замечал, что в этом случае он придерживался терминологии А.А.Шахматова (см. [Шахматов, 1925-1927]).

[8] Положения теории были сформированы в лекциях Дж.Остином в 1955 г. и изданы в 1962 г. (см. в русском переводе [Остин, 1986]).

[9] Описание ее структуры и фрагмент, посвященный интонации стиха см. в [Жинкин, 1984].

Поступила в редакцию 18 сентября 2018 г. Дата публикации: 08 декабря 2018 г.

Сведения об авторе

Захарова Анна Викторовна. Аналитик, Центр теории текста и лингвистического обеспечения коммуникации, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6., 125993 Москва, Россия.
E-mail: annazakharoff@gmail.com

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru
Захарова А.В. Проблематика кандидатской диссертации Н.И.Жинкина и ее место в творческой эволюции ученого. Психологические исследования, 2018, 11(62), 6. http://psystudy.ru

Стиль ГОСТ
Захарова А.В. Проблематика кандидатской диссертации Н.И.Жинкина и ее место в творческой эволюции ученого // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 6. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1648-zakharova62.html

К началу страницы >>